

# Шел по городу волшебник

**Автор:**

Юрий Томин

Шел по городу волшебник

Юрий Геннадьевич Томин

Школьная библиотека (Детская литература)

Повесть-сказка о самом обыкновенном четверокласснике, с которым начали происходить необыкновенные вещи – стали исполняться все его желания. Но это почему-то не сделало его счастливым. Для среднего школьного возраста.

Юрий Геннадиевич Томин

Шел по городу волшебник

Повесть, в которой случаются чудеса

## Коротко об авторе

Юрий Геннадиевич Томин (наст. фам. – Кокош) родился в 1929 г. во Владивостоке. Позднее семья переехала в Ленинград. Мальчику исполнилось 12 лет, когда началась Великая Отечественная война.

Он был эвакуирован в Сталинград, затем в Горький. Здесь учился в школе, потом – в ремесленном училище. Только в 1945 г. Томин возвратился в Ленинград. Снова школа – 10-й класс.

Прочитав в каком-то журнале рассказ о моряке дальнего плавания, Томин решил поступить в Высшее мореходное училище. Проучившись год, он понял, что ветер романтики занес его не туда. Плавание на кораблях – это проторенная дорожка. Хотелось чего-то необычного, будоражащего ум и воображение. И Томин перебирается на физический факультет Ленинградского университета, который заканчивает в 1952 г., получив специальность «геофизик».

Три года Томин отдал Крайнему Северу: Туруханск, Игарка, Средняя Тунгуска, Верхняя Тунгуска, Енисей... Дальние поисковые партии, нелегкие экспедиционные будни: ночевки на голой земле, многодневные переходы пешком и на лыжах, пот, холод, усталость, комары...

Именно там, в обстановке тяжелого напряженного труда, в окружении суровых молчаливых людей, вырабатывались его жизненные принципы: мужество, честность, верность долгу, товарищество, которые потом и составили нравственный фундамент будущих произведений писателя.

Юрий Томин становится начальником геофизической партии, поступает в аспирантуру, а в 1955–1959 гг. преподает в вузе.

Но целиком посвятить себя науке Томину не пришлось. Увиденное и пережитое не давало покоя, просилось наружу, хотелось поделиться им с самым непосредственным и отзывчивым читателем. И Юрий Томин начинает писать для детей.

Его первая книга «Повесть об Атлантиде» была написана в 1959 г. Герои повести – сибирские мальчишки, мечтатели и романтики, увлеченные красивой легендой

и отправляющиеся на поиски необыкновенной страны – Атлантиды.

Вторая книга писателя – сборник «Алмазные тропы» (1960). Это рассказы о людях прямых и отважных, о чести, верности, преданности долгу.

В своем творчестве Юрий Томин стремился отыскать самый короткий и надежный путь к душе юного читателя, говорить с ним о вещах серьезных, жизненно важных увлекательно, без нотаций и унылых поучений.

Именно поэтому после первых двух книг, написанных в реалистической манере, автор обращается к другому типу повествования – так называемой нефантастической фантастике (повести «Борька, я и невидимка», 1962; «Шел по городу волшебник», 1963; «Нынче все наоборот», 1968; «Карусели над городом», 1979; «А, Б, В, Г, Д и другие», 1982).

Суть этой повествовательной манеры заключается в том, что в ней сказочный вымысел не поглощает реальность целиком, а присутствует лишь в виде волшебного элемента. Благодаря ему создаются определенные ситуации, в которых обычная жизнь предстает под необычным углом зрения, поворачивается к читателю своими неизвестными гранями, а характеры героев открываются с весьма своеобразной стороны.

Лучшее произведение Юрия Томина – повесть-сказка «Шел по городу волшебник» – относится к этому жанру. В ней роль чудесного элемента выполняет коробок волшебных спичек, который случайно находит герой повести, четвероклассник Толик Рыжков. Стоит переломить одну – и все его желания исполняются. Читатель, пройдя с героем через целый ряд испытаний, пережив стыд, страх, ужас, понимает в итоге, что ничто в мире не достается даром, без усилий и душевных затрат.

А если так все-таки случается, то не приносит счастья и очень скоро начинает тяготить, разрушая твою прежнюю жизнь и дорогие тебе отношения с родными и близкими людьми.

Произведения Юрия Томина написаны в 60-70-е гг. прошлого века, но интерес к ним не угасает и по сей день. Умные, веселые, увлекательные, его повести помогают юному читателю лучше понять себя и окружающих, учат доброте, отзывчивости, сопереживанию, умению ощущать чужую беду как свою.

## Часть первая

### Мелкие чудеса

Милиционеры очень любят детей. Это каждый знает. Любят они не только своих детей, а всех подряд, без разбору. Не верите – посмотрите детские фильмы. В фильмах милиционеры всегда улыбаются детям. И все время отдают честь. Как только постовой увидит мальчика, так сразу же бросает свои дела и мчится, чтобы отдать ему честь. А если девочку увидит – тоже мчится. Наверное, ему все равно – мальчик или девочка. Главное – успеть отдать честь.

Если же кому-нибудь попадется милиционер, который не улыбается и не отдает честь, то это ненастоящий милиционер.

А все-таки хорошо, что ненастоящие милиционеры иногда встречаются.

В Ленинграде[1 - Теперь Санкт-Петербург.] вот есть один такой. И если бы его не было, то ничего не случилось бы с Толиком Рыжковым...

А случилось вот что.

Шел Толик по проспекту.

Рядом с ним, по мостовой, медленно ехала желтая «Волга». Из динамиков, установленных на крыше «Волги», на всю улицу гремел оглушительный и радостный голос диктора: «Граждане, соблюдайте правила уличного движения! Несоблюдение этих правил часто приводит к несчастным случаям. Недавно на Московском проспекте гражданин Рысаков пытался перебежать дорогу впереди идущей автомашины. Водитель не успел затормозить, и гражданин Рысаков был сбит автомашиной. С переломом ноги он был доставлен в больницу. Граждане, помните: несоблюдение правил уличного движения ведет к несчастным

случаям...»

Толик шел рядом с «Волгой» и сквозь боковое стекло видел лейтенанта милиции с микрофоном в руках. Лейтенант был молодой и какой-то очень чистенький. Было странно, что у него такой оглушительный голос, хотя бы и по радио.

Толик внимательно, насколько было видно вперед, оглядел мостовую, стараясь угадать, в каком месте произошло все это с гражданином Рысаковым. Но угадать было невозможно. В обе стороны, одна за другой, катились машины. Здоровенный самосвал, шлепая шинами по асфальту, быстро отставал от вертлявого «Москвича», а их обоих, пренебрежительно пофыркивая, обгоняла тяжелая черная «Чайка». И все они проезжали, может быть, над тем местом, где «недавно» лежал неосторожный Рысаков...

«А что, если бы это случилось не «недавно», а сейчас! – подумал Толик. – Только чтобы машина объехала Рысакова... И – чтобы врезалась в трамвай... Но только чтобы водитель остался цел... А трамвай – сошел с рельсов... Но – чтобы пассажиры все остались целы... А движение по всей улице – остановилось... И тогда нельзя было бы перейти улицу... И я не пошел бы в школу...»

Толик остановился и стал разглядывать пешеходов, которые перебежали улицу, ловко увиливая от автомобилей.

Желтая «Волга» ушла далеко вперед. Толик опасливо покосился на нее и тоже побежал. Он юркнул между двумя автобусами, пропустил трамвай, «скорую помощь» и влетел на тротуар перед самой булочной. Толик направился было к двери и вдруг прямо перед собой увидел милиционера. Тот стоял и смотрел на Толика. Он не отдавал честь и не улыбался.

– Ну, иди сюда, – сказал милиционер.

– Зачем? – пробормотал Толик.

– Иди-иди.

Цепляясь носками за асфальт, Толик подошел ближе.

- Вам в школе объясняли, как нужно переходить улицу? - спросил милиционер.

Голос у него был сердитый и не насмешливый, а какой-то скучный.

- Нам не объясняли, - на всякий случай сказал Толик.

- А ты сам не знаешь, где можно переходить улицу?

- Мне в булочную надо, - тихо сказал Толик.

Милиционер молчал.

- Я очень торопился...

Милиционер молчал.

- У меня мама больная, - уже увереннее сказал Толик. - А в школу я вообще не хожу никогда. Я за мамой ухаживаю. Мне просто некогда ходить в школу.

- Чем же она болеет? - спросил милиционер.

- У нее раны... - сказал Толик и вздохнул. - От снарядов... и от бомб... и от пуль... Она на фронте воевала. Раньше она мало болела, а теперь - каждый день. И папа - тоже в больнице. Он в милиции работает. Его преступники ранили.

- Как фамилия-то? - спросил милиционер уже не скучным голосом.

- Павлов.

- Вроде слышал про такого, - сказал милиционер после раздумья. - Значит, и в школу тебе ходить некогда?

- Совсем некогда... - вздохнул Толик.

- Ну, беги в свою булочную.

Понурясь, Толик медленно направился к дверям. Вид у него был очень печальный. В булочной Толик так же медленно ходил между прилавками, шаркал ногами, горбился и думал, что, наверное, многие замечают, какой у него несчастный вид, и догадываются о том, что у него больная мама и отец ранен преступниками.

Опустив батон в сумку и чуть не волоча ее по полу, Толик вышел из булочной. Милиционер стоял на прежнем месте. Он все-таки не отдал честь и не улыбнулся, но слегка кивнул головой. Мотнул головой и Толик. Теперь он ничуть не боялся милиционера.

Прежде чем перейти улицу, Толик посмотрел налево. Он ступил на мостовую и посмотрел направо. И в этот момент увидел Мишку Павлова. Мишка бежал прямо к нему и орал на всю улицу:

– Толик! Анна Гавриловна сказала, чтобы нам с тобой сегодня в школу прийти на час раньше!

Толик отвернулся от Мишки, как будто Мишка кричал кому-нибудь другому. Но Мишка налетел на него и опять заорал в самое ухо:

– Я сам ее видел! Она сама сказала!

Толик, не обращая внимания на Мишку, посмотрел на милиционера. Тот уже не стоял на месте, а медленно шел прямо к ним.

Тихонечко, боком Толик двинулся по тротуару. Милиционер пошел быстрее. И тогда Толик бросился бежать со всех ног.

Мишка, разинув рот, постоял, посмотрел, как убегают от него милиционер и Толик, и тоже бросился за ними.

Толик бежал, ничего не видя. Если бы ему в эту минуту подвернулась машина, он, наверно, сбил бы машину. Если бы на пути оказалась река, он, конечно, перепрыгнул бы через реку.

Он бежал изо всех сил, потому что на свете нет ничего хуже, чем убегать от милиционера.

Мишка давно уже отстал, а Толик еще и не разогнался как следует. Милиционер, наверное, тоже еще не разогнался. Он бежал далеко, но догонял понемножку.

На улице останавливались прохожие. Их удивленные лица мелькали мимо Толика быстро, как фонари в метро.

Самое страшное было то, что вся улица как будто остановилась и замерла. Как будто отовсюду – с боков и даже сверху – все смотрели на Толика и молча ждали, когда он упадет. А в этой тишине раздавался глухой стук сапог милиционера.

Но интересно, что на бегу Толик успевал еще кое о чем думать. И так как ногами он переступал быстро, а дышал часто, то и мысли его были очень короткие. Примерно такие: «Убегу... Нет, не убегу... А может, убегу?... Мишка видел... Мишка не скажет... Мама не узнает... Анна Гавриловна не узнает... Нужно быстрее... Никто не узнает... А если выстрелит?... Не имеет права!..»

Стук сапог сзади становился все ближе. Толик метнулся к дому и вбежал в парадное. Тут была еще одна дверь – во двор. Толик открыл ее, и в этот момент сзади зацокали по ступеням сапоги милиционера. Толик захлопнул дверь и услышал, как она тут же открылась за спиной. Толику стало страшно. Он уже совсем было хотел остановиться, как увидел слева несколько низеньких домиков – гаражей. Между двумя домиками была узкая щель. Толик бросился в эту щель и почувствовал, как что-то схватило его и потащило назад. Но тут же он выскочил из щели, и почему-то бежать стало легче.

Мальчишки, столпившиеся по другую сторону гаражей, так ничего и не поняли. Они видели, как промелькнуло что-то и вслед за ним промелькнуло еще что-то, а теперь во дворе стоял милиционер и, разглядывая, вертел в руках сумку с батоном. Он постоял немного и пошел к воротам. Мальчишки посмотрели ему вслед и снова принялись рисовать на дверях гаражей звезды и писать мелом, что «Тоська + Вовка = любовь».

А Толик долго еще не мог остановиться. За его спиной уже никто не топал, но Толик на всякий случай пробежал еще четыре двора, пролез сквозь какую-то

трубу, спрыгнул с какой-то крыши и оказался в маленьком дворике.

Лишь теперь он понял, что за ним уже никто не гонится. Толик осматривался, ища дверь или ворота, через которые можно было бы выйти, но видел только гладкие стены. Это был очень странный двор. Высокие стены – без окон и балконов – уходили вверх, под самое небо. Двор был круглый, как колодец, и посреди него стояло что-то большое и круглое, как консервная банка.

Толик завертел головой, стараясь найти сарайчик, с которого он спрыгнул, но никакого сарайчика не было.

В здании, похожем на консервную банку, оказалась дверь. Толик отворил ее и очутился в просторном помещении. Это было очень странное помещение. Откуда-то сверху, с невидимого потолка, один за другим медленно опускались голубые шары. У самого пола они вспыхивали голубым светом и гасли, как будто проваливались. Один за одним, один за одним плыли они сверху вниз и лопались, освещая все вокруг мерцающим светом.

Потом он увидел мальчика.

Мальчик сидел за длинным столом. На одном конце стола высилась груда спичечных коробков. Мальчик взял один коробок, внимательно осмотрел его и переложил на другой конец стола.

– Триста тысяч один... – сказал он.

Толик подошел поближе. Мальчик, не глядя на Толика, взял еще один коробок.

– Триста тысяч два...

– Эй, ты чего тут делаешь? – спросил Толик.

– Триста тысяч три... – сказал мальчик.

– Как отсюда выйти? – спросил Толик. – Где тут ворота?

- Триста тысяч четыре... - сказал мальчик.

Толику стало не по себе. Он даже подумал, что это не живой мальчик, а какой-нибудь электрический, вроде робота, которого Толик видел в кинокартине «Планета бурь». Там робот, похожий на человека, ходил на двух ногах и даже разговаривал дребезжащим, как будто железным, голосом.

Толик протянул руку к плечу мальчика и тут же отдернул ее, словно испугался, что его ударит электрическим током.

- Триста тысяч пять... - сказал мальчик.

Толик начал сердиться. Он был не робот, а живой человек. И потому он умел сердиться. А этого, как известно, не умеет делать даже самый лучший и самый электрический робот.

- Триста тысяч шесть... - сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто сердится, а прямо-таки злится.

- Триста тысяч семь... - сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто злится, а прямо-таки лопается от злости.

- Триста тысяч восемь... - сказал мальчик.

«Ну ладно, - подумал Толик. - Сейчас ты у меня замолчишь». Толик вытянул руку и провел ладонью по спине мальчика, стараясь найти кнопку, которой он выключается. Спина оказалась теплой и совсем не железной.

- Триста тысяч девять... - сказал мальчик, поднял голову и посмотрел на Толика странными голубыми глазами.

- Ты что, оглох?! - крикнул Толик. - Ты, может быть, глухой, да?

– Я все слышу, – ответил мальчик. – Триста тысяч десять...

– Сейчас ты у меня получишь! – рассвирепел Толик. – Я тебе покажу, как дразниться. Я тебе покажу триста тысяч! Получишь раза два, тогда узнаешь, где триста тысяч!

– Не мешай, – сказал мальчик. – Ты же видишь – я только что начал новую тысячу.

– Мне все равно – новую тысячу или новый миллион! – сказал Толик. И вдруг остановился, увидев, как при слове «миллион» глаза мальчика засветились голубым светом.

Внезапно у Толика прошла вся злость. Он вдруг подумал, что все это очень странно: и двор без ворот, и комната без окон, и какие-то тысячи, и этот мальчик, хоть и не электрический, но, наверное, ненормальный. И как только он подумал об этом, ему снова стало страшно.

– Миллион... – повторил мальчик. – Это важнее всего на свете. Но это так трудно... У меня очень мало времени. Но если ты знаешь про миллион, я могу поговорить с тобой две минуты. А потом ты уйдешь. Ладно?

– Я могу и сейчас уйти; ты покажи, где ворота, – сказал Толик.

– Не знаю... – вздохнул мальчик. – Зачем нужны ворота? Мне они совсем не нужны. Мне нужно набрать миллион.

– Какой миллион?

– Миллион коробков. Ровно миллион. И тогда у меня будет больше всех в мире.

– Зачем тебе столько? – спросил Толик.

- Так у меня же будет больше всех в мире.

- Ну и что из этого?

- Вот и всё, - сказал мальчик. - Больше всех в мире! Понимаешь?

- Понимаю, - послушно ответил Толик.

Он ничего не понимал. Он просто боялся молчать. Если он замолчит, то мальчик снова начнет считать коробки и тогда станет еще страшнее.

- А сколько ты уже набрал? - спросил Толик.

- Триста тысяч десять.

- Здорово! - сказал Толик, стараясь показать, что ему не страшно. - Набрал - и хорошо. Теперь пойдем во двор, и ты мне покажи, где ворота. Знаешь, я от милиционера удирал... Ох и бежал здорово! Но ты тоже молодец: сколько коробков набрал. Теперь можешь показать, где ворота?

- Зачем мне ворота?... - грустно сказал мальчик. - Мне нужен миллион коробков. Тогда мне хватит их на всю жизнь.

- На какую жизнь? - спросил Толик и, взяв коробок, повертел его в руках. - Обыкновенный коробок. Зачем тебе на всю жизнь?

Но едва Толик прикоснулся к коробку, как мальчик вскочил из-за стола, и глаза его снова вспыхнули странным голубым светом.

- Не трогай! - закричал он. - Это не твое! Это все мои коробки. Уходи отсюда! Две минуты уже кончились. Уходи! Оставь коробок!

Толик попятился от стола. Он хотел повернуться и бежать, но глаза на лице мальчика разгорались все ярче, они становились все голубее и прозрачнее, а Толик пятился и пятился, но не мог отвернуться, словно боялся, что его ударят в спину.

Толик отступал, и стол казался ему все меньше и меньше. Около стола прыгала и бесновалась маленькая, будто игрушечная, фигурка мальчика. Она размахивала тоненькими ручками и грозила кулачками, величиной с горошину. А на ее лице, будто две звезды, мерцали два холодных голубых огонька.

– Оста-а-авь коробо-о-ок!.. – донесся до Толика далекий голос.

Этот голос словно подтолкнул его. Толик зажмурился и бросился бежать, не разбирая дороги. Мимо него мелькали какие-то стены и дома. Потом стали мелькать улицы и города. Затем, уже внизу, поплыли реки и горы. Солнце торопливо бежало по пустому темному небу. Но вот и солнца не стало: все вокруг слилось в одну серую полосу, беззвучно уносящуюся назад.

«Я, наверное, сплю, – подумал Толик. – Я видел темное небо... Значит, уже ночь и я сплю... Нужно проснуться. Нужно попробовать шевельнуть рукой, и тогда сразу проснешься...»

Толик шевельнул рукой и открыл глаза.

На синем небе, как приклеенное, застыло солнце. Оно больше никуда не мчалось. И улица была та же самая. И булочная. Пристально глядя на Толика, подходил тот самый милиционер. А рядом стоял Мишка Павлов и орал:

– Я сам ее видел! Она сама сказала!

«Я еще не проснулся, – подумал Толик. – Наверное, плохо шевельнул рукой. Ведь бывает же так: думаешь, что ты проснулся, а на самом деле еще спишь и во сне видишь, будто проснулся».

Толик снова дернул рукой. Что-то зашуршало, застучало у него в кулаке. Толик разжал кулак и глянул вниз. На ладони лежал спичечный коробок. Он был настоящий.

И Мишка был настоящий, потому что он заорал еще громче:

– Ты что, оглох? Неси свой батон домой и бежим в школу!

И милиционер был настоящий. Он взял Толика за руку и сказал:

– Если ты с такого возраста врать научился, что же из тебя дальше вырастет? Ну-ка, повтори, чем болеет твоя мама?

Толик молчал. А Мишка хоть и не понял пока еще ничего, но все же решил заступиться за друга. Он насупился и сурово глянул на милиционера.

– У него мама и не больная совсем. Чего вы ее больной обзываете? Она совсем здоровая.

– Вот и мне так кажется, – ответил милиционер и потянул Толика за рукав. – Пойдем со мной, мальчик.

Когда человек идет по улице рядом с милиционером, то всем ясно, что его ведут в милицию. И когда его ведут, то понятно, что ничего хорошего он не сделал. Скорее всего, он разбил окно, или подрался, или украл чего-нибудь.

Толик шел по улице рядом с милиционером, и ему казалось, что на него смотрят все прохожие. Конечно, они думали, что он разбил окно, подрался или украл чего-нибудь. И Толик боялся встретить кого-нибудь из знакомых.

А прохожие смотрели на Толика с любопытством и почему-то улыбались. Особенно не понравился Толику один толстый дядька. Мало того, что он сам был толстый! Мало того, что он нес под мышкой расстегнутый толстый портфель, набитый толстыми апельсинами! Мало даже того, что улыбаться он начал чуть ли не за сто метров до Толика! Он еще и сказал, проходя мимо:

– За что забрали, товарищ старшина? Отпустите. Его мама ждет.

И засмеялся, очень довольный своей толстой шуткой.

Старшина буркнул что-то непонятное. А Толик подумал: «Вот хорошо, если бы забрали сейчас этого толстого дядьку в милицию. И отобрали бы апельсины. И сидел бы он за решеткой, и плакал, и просился, чтобы его отпустили. А дома сидели бы у окна и плакали его толстые дети, потому что им никогда в жизни

уже никто не принесет апельсинов».

Толстяк уже прошел, а Толик все еще смотрел ему вслед. Вдруг произойдет чудо, и толстяка все-таки заберут. Толику очень хотелось этого. А когда очень хочешь, то ведь может случиться и чудо... Вот он сейчас пойдет через дорогу и будет переходить ее неправильно – немного правее или немного левее белых полос на асфальте, или пойдет по красному свету. Тогда – свисток, и... толстые дети никогда не получают апельсинов.

А толстяк между тем подошел к краю тротуара, и... Чудо! Произошло чудо, о котором мечтал Толик! Толстяк переходил улицу прямо по белым полоскам. И тут все было правильно. Но он шел на КРАСНЫЙ свет! Вот оно, чудо, которое всегда может случиться, если его очень хочешь!

Но оказалось, что вышла только одна половина чуда. Вторая, главная половина не получилась. Напрасно Толик ждал свистка. Толстяк спокойно перешел улицу и протиснулся в двери продуктового магазина. И никто не свистнул. И Толику стало до слез обидно.

А тот, кто должен был забрать толстяка, в этот самый момент легонько подтолкнул Толика в спину и сказал:

– Не задерживайся, мальчик, не задерживайся. Мне на пост нужно возвращаться.

Уже в третий раз попадался навстречу Мишка Павлов. Каждый раз он забегал вперед и проходил мимо, подмигивая левым глазом. Всем видом Мишка старался показать, что он с Толиком заодно. Но помочь Мишка, конечно, ничем не мог. Даже тем, что, отойдя на безопасное расстояние, строил рожи не то спине милиционера, не то проезжающему автобусу.

Возле милиции Мишка отстал, и Толику стало совсем тоскливо. Вдвоем было все же как-то веселее.

В отделении милиции за барьером сидел капитан и писал что-то в толстом журнале. Увидев Толика и старшину, он усмехнулся:

- Вы зачем, Софронов, ребенка привели? Разве забыли, что у нас детская комната на ремонте?

- Так точно, забыл, товарищ капитан, - сказал старшина.

- А может, вы не забыли, а просто на посту стоять надоело? Решили прогуляться?

- На улице - погода, товарищ капитан, - сказал старшина. - Это не зима. Сейчас на улице - одно удовольствие. А вот мальчик, товарищ капитан, очень странный. С одной стороны, говорит: мать у него на фронте погибла...

- Не погибла, - едва слышно возразил Толик. Но его никто не услышал.

- С другой стороны, - продолжал старшина, - отец, говорит, преступниками ранен. А сам, между прочим, неправду говорит. Это и товарищ его подтвердил. Как фамилия товарища-то? - повернулся старшина к Толику.

- Павлов... - совсем тихо проговорил Толик.

- Вот-вот, - сказал старшина. - А сам, между прочим, тоже Павловым назвался. И через дорогу ходит где ему вздумается.

Услышав последние слова старшины, Толик вздрогнул и жалобно шмыгнул носом. Лишь сейчас он вспомнил, что назвал старшине не свою, а Мишкину фамилию. Какое за это полагается наказание, он не знал, но уж, наверное, самое маленькое - тюрьма или в школе поставят двойку за поведение.

- Хорошо, товарищ Софронов, идите, - приказал капитан. - Только больше мне тут детский сад не устраивайте и пост по пустякам не бросайте! Не первый месяц служите. Пора привыкать. Ясно?

- Так точно! - сказал старшина и ушел.

- Ну-ка, Павлов, поворачивайся ко мне лицом, - сказал капитан. - И объясни, пожалуйста, где тебя так врать научили.

- Почему... врать... - запинаясь, пробормотал Толик.

- Потому что никакой ты не Павлов. Верно?

- А как моя фамилия? - спросил Толик.

- Это ты сейчас мне и скажешь.

Капитан, усмехаясь, смотрел на Толика, и было понятно, что фамилию сказать все-таки придется.

- Рыжков.

- Ну вот, теперь ты говоришь правду. Это сразу видно, когда человек правду говорит. Молодец! Твоя мама когда на работу уходит?

- К двум часам, - ответил Толик и победоносно посмотрел на капитана.

Сейчас-то он уж точно говорил правду, и капитан ни на чем не мог его поймать. Кроме того, судя по выражению лица капитана, тот вовсе не собирался сажать Толика в тюрьму.

- К двум часам мама ходит на работу, - задумчиво повторил капитан и спросил: - Та самая, которую на фронте убили?

- Я не говорил, что убили! - возмутился Толик. - Это он все выдумал. Я говорил, что ее ранили и она дома лежит.

- Так она, значит, леж на работу ходит? - спросил капитан.

Толик ничего не ответил, лишь вздохнул. Чего тут говорить! Не была мама на фронте. А если еще про папу спрашивать, то совсем плохо дело. Папа, наверное, ни одного преступника в жизни не видел.

- Насчет папы и преступников, - сказал капитан, - мы лучше и говорить не будем. Вдруг еще какая-нибудь неприятность выйдет. Верно?

Толик опять ничего не ответил. Он поднял руку и сдвинул кепку на затылок, потому что ему вдруг стало жарко.

- Что у тебя в руке? - спросил капитан.

Толик разжал кулак и протянул капитану коробок со спичками, о котором он давно уже забыл. Капитан взял коробок, раскрыл, вынул одну спичку, повертел ее в руках. Спичка была какая-то странная - без головки. Капитан переломил ее и бросил в пепельницу.

- Куришь?

- Честное слово, нет! - испуганно сказал Толик. - Хоть у кого спросите.

- Верю, - сказал капитан. - На этот раз верю. Врать ты, Рыжков, любишь. Но не умеешь. Улицу переходить как полагается ты, конечно, умеешь. Но не любишь. Говори-ка мне быстро номер школы и класс, в котором ты учишься. Я позвоню директору. А может быть, и не позвоню, если с этого дня ты будешь вести себя как полагается.

- Я больше не буду... - всхлипнул Толик.

- Вот я и посмотрю, будешь ты или нет. Говори номер школы и беги домой. А то мама уже думает, что ты пропал вместе с батоном.

Капитан взял ручку и приготовился записывать школу Толика. Но едва Толик открыл рот, как за дверями отделения раздался какой-то шум, затем топот. Дверь отворилась, и два милиционера втащили в комнату здорового парня, который изо всех сил упирался. Милиционеры с трудом подтащили его к барьеру, и он встал, покачиваясь и утирая лиловую рожу рукавом пиджака.

- Распивал водку в кафе «Мороженое», - доложил один из милиционеров. - Принес с собой и наливал из-за пазухи.

- А твое какое дело? - заорал парень и рванул на себе пиджак. - Если и выпил - так на свои. Где хочу, там и пью! Я, может, с горя пью.

– Тихо, гражданин Зайцев, – спокойно сказал капитан. – Вы не к приятелю в гости пришли, а в милицию. Причем в нетрезвом виде. А горе ваше мы хорошо знаем. Работать не хотите, бездельничаете и пьянствуете – вот и все ваше горе. Не знаем только, откуда вы на водку деньги берете.

– Это мое дело, – неожиданно спокойно сказал парень. – Вы, гражданин начальник, свои деньги считайте. А мои на том свете сосчитают.

– Может быть, – согласился капитан. – Но вот то, что мы вам поверили, когда вас из заключения выпустили, – это уже наше дело. Вас на работу устроили – вы трех дней не проработали. Вам, понимаете, прописку дали в городе, а вы только город позорите. Устраиваете, понимаете, скандалы и пьянство. По старой дорожке пошли?

– Да я... да я ведь... Эх! – дурным голосом крикнул парень и снова рванул на себе пиджак.

Он нелепо замахал руками, лицо его перекошилось. Милиционеры придвинулись поближе к нему. Толик подумал, что он сейчас бросится на капитана, и на всякий случай отодвинулся в угол. Но парень никуда не бросился. Он схватился за воротник рубашки и несильно дернул. Отлетела верхняя пуговица. Затем покосился на капитана и дернул еще раз. Отлетела следующая пуговица.

– Бросьте спектакль устраивать, Зайцев! – сказал капитан. – Это я уже видел.

– Да я... – всхлипнул парень. – Я, может быть, целый день работу ищу. Я, может, оттого и пью, что работы нет. Может, у меня руки горят. Я – ч-человек! Понятно, начальник?

Капитан нахмурился. Он машинально вынул спичку из короба, переломил ее и швырнул на стол.

– Послушать вас, Зайцев, – не человек вы, а прямо голубь. Хотелось бы мне, чтобы вы таким голубем стали. Да не получается...

И тут произошло такое, чего не случалось еще ни в одном отделении милиции. Не успел закончить капитан фразу, как посреди комнаты что-то вспыхнуло и

сразу же превратилось в серый вихрь. Теплая волна воздуха ударила Толика в лицо. Он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что на том месте, где только что стоял Зайцев, никого не было.

Оба милиционера смотрели на пустое место.

Капитан вскочил из-за стола и замер, широко открыв глаза.

И в ту же секунду с пола взвился белый голубь. Он заметался по комнате, ударяясь головой в окна и дверь, отчаянно хлопал крыльями, шарахался от стены к стене, пока случайно не влетел прямо в форточку и, скользнув между прутьями решетки, оказался на улице. В окно было видно, как он круто взмыл вверх и исчез.

Капитан растерянно посмотрел в угол. Там стоял Толик.

- Твой голубь?

- Н-нет... чес-с... сло... - дрожащим голосом сказал Толик.

Капитан выскочил из-за перегородки и подбежал к милиционерам.

- Где задержанный?!

- К-к-кажется... у-у-шел... - запинаясь, проговорил один из милиционеров.

- Догнать! - закричал капитан. - Догнать немедленно!

- Е-е-есть... - отозвался второй милиционер, и все трое, вместе с капитаном, выбежали на улицу.

Толик из своего угла со страхом оглядывал комнату. Никогда еще не приходилось ему переживать столько приключений в одно утро. Сначала он даже не подумал, что теперь можно спокойно уйти и капитан никогда уже не узнает номера его школы. Толик боялся пошевелиться. Кто его знает... Может быть, стоит шевельнуться - и в комнате снова появятся милиционеры и пьяный Зайцев. Сегодня все может случиться. Толик посмотрел на окно. Может быть, это

все-таки сон? Разве не бывает, что человеку снятся милиционеры, голуби, пьяные и даже мальчики со странными голубыми глазами? Бывает. Конечно, бывает. Только почему на одном из прутьев решетки за окном прилепилось и дрожит белое перышко? Оно как раз на уровне форточки, в которую вылетел голубь. И что это за куча тряпья на полу у самого барьера?

Наконец Толик решился выйти из своего угла. Осторожно, боком, он подошел к барьеру. На полу лежала одежда. Сверху был пиджак, из-под него выглядывали две брючины. Из рукавов пиджака торчали обшлага рубашки. Это была одежда Зайцева. Она лежала так, как будто еще хранила форму человеческого тела. Удивительно, что ее не заметили милиционеры. Наверное, очень торопились.

Пока еще ничего не понимая, Толик тронул пиджак носком ботинка и отскочил в сторону. Он боялся, что из-под одежды выскочит пьяный Зайцев. Но никто не выскочил. Пиджак сдвинулся в сторону, и показались носки ботинок, нечищенных, пожалуй, лет сто.

Сомнений не было: все это принадлежало Зайцеву.

Но даже если Зайцев был фокусником, если он умел выскакивать из одежды за одну секунду, все равно он не мог убежать без ботинок. Это уж Толик знал точно. Ботинки были зашнурованы. И на всем свете нет такого человека, который умеет снимать ботинки не расшнуровывая. Даже если он пьяный или фокусник.

Внезапно Толик снова вспомнил мальчика со странными голубыми глазами и его отчаянный крик: «Оста-а-авь коробо-о-ок!..» Почему он так кричал, если у него было еще триста тысяч таких коробков? Неужели ему жалко одного коробка? Ведь Толик и взял-то его случайно.

И опять Толик подумал, что все это ему снится. Только сон какой-то уж слишком длинный, и непонятно, почему он никак не может кончиться.

Толик подошел к барьеру и, просунув руку, дотянулся до коробка, который отобрал у него капитан. Он потряс рукой, и спички забрякали в коробке. Да, это был тот самый коробок. И значит, сон тут ни при чем, потому что Толик никогда не носил с собой спичек.

И вдруг Толику все стало ясно. Это было невероятно и очень просто. Это было сказочно, необыкновенно, нелепо и в то же время совершенно понятно, если допустить, что на свете еще могут случаться чудеса.

Зазвонил телефон на столе капитана. Толик вздрогнул и, словно очнувшись, бросился к двери. Он выскочил на улицу и пустился бежать со всех ног.

На этот раз Толик быстро устал: слишком много приходилось ему сегодня бегать.

Он свернул в какую-то подворотню и остановился, тяжело дыша. Мимо прошла незнакомая женщина и подозрительно, как показалось Толику, взглянула на него.

– Не набегался еще? – спросила она.

– Извините... – робко сказал Толик, пряча руку с коробком за спину.

Женщина ушла. Толик поднес коробок к самым глазам и стал внимательно его рассматривать. Коробок был обыкновенный. Вернее, он казался обыкновенным. И во всем мире лишь Толик да, может быть, еще мальчик со странными голубыми глазами знали, что коробок был ВОЛШЕБНЫЙ!

Зайцев никуда не исчез. Он ПРЕВРАТИЛСЯ в голубя. «Хотелось бы мне, чтобы вы... голубем стали», – сказал капитан. И Зайцев СТАЛ голубем. Он стал голубем потому, что капитан в это время переломил спичку из коробка, принадлежащего мальчику со странными голубыми глазами. И если бы капитан знал, что это за коробок, он сразу понял бы, что Зайцев никуда не убежал, а на его глазах вылетел в форточку. Теперь милиционеры до вечера будут бегать по улицам, чтобы поймать Зайцева, а Зайцев, распушив хвост, будет прохаживаться по тротуару перед самой милицией и подбирать крошки.

Так думал Толик. Но чем больше он уверял себя в том, что коробок волшебный, тем страшнее ему становилось. Если этот коробок может превратить человека в птицу, то неизвестно, что он может выкинуть с ним, Толиком. Хорошо, если еще превратит в голубя – хоть полетать можно. А если, например, в свинью? Придет Толик в класс. Анна Гавриловна начнет его спрашивать, а он будет только хрюкать! Толик на минуточку представил себе, как ребята таскают его за хвост, а он вырывается и визжит пороссячьим голосом. И нельзя никому пожаловаться, потому что ни один человек не станет разговаривать со свиньей.

Чем больше думал Толик о своей будущей пороссячьей жизни, тем опаснее казался ему этот коробок. И еще показалось Толику, что коробок в его руках как будто стал нагреваться. Что произойдет дальше, Толик дожидаться не стал. Он решил, что на сегодня приключений хватит, швырнул коробок на землю и пошел прочь.

Пройдя один квартал, Толик снова вышел к булочной. Видно, сегодня все дороги вели к этой булочной, возле которой прохаживался знакомый постовой.

Толик быстро перебежал на другую сторону улицы и уже хотел свернуть в свой переулок, как вдруг чуть не столкнулся с толстым дядькой. Тот выходил из магазина. Кроме портфеля в руках у него были теперь еще и толстые свертки. Из одного кулька выглядывали толстые сардельки, и дядька придерживал их толстыми пальцами. Да и сам он стал как будто еще толще и еще противнее улыбался своими толстыми губами.

Он не заметил или не узнал Толика, и от этого Толику стало еще обиднее.

И тут Толик подумал: теперь ничего не стоит отомстить толстяку. Ему так захотелось отомстить, что он, позабыв страх перед милиционером, бросился бежать через улицу. Он очень торопился. Он боялся, что толстяк уйдет прежде, чем он успеет вернуться.

Пулей Толик ворвался в подворотню. Коробок лежал на прежнем месте. Толик схватил его и помчался обратно.

Толстяк уже заворачивал за угол. Толик отвернулся к стенке дома, сломал спичку и шепотом сказал:

- Хочу, чтобы этого толстого забрали в милицию.

Толстяк уже почти скрылся за углом. Постовой спокойно прохаживался по улице. Вдруг он остановился, подозрительно посмотрел вслед толстяку, поднес к губам свисток и, отчаянно свистя, побежал наискосок через улицу. Он быстро догнал толстяка и сказал:

- Гражданин, пройдемте в отделение.

Толстяк, ничего не понимая, повернулся к нему.

- Это вы мне?

- Вам, гражданин.

- Но за что? Что я сделал?

- Ничего не знаю, гражданин. Пойдемте со мной.

Толстяк тяжело вздохнул, поправил расплывающиеся свертки и покорно пошел вслед за милиционером.

Дверь Толику открыла мама. Ничего хорошего в этом не было. Он думал, что мама уже ушла на работу. Она возвратится вечером. А вечером можно было лечь спать пораньше. Никто не станет будить единственного сына, чтобы выругать его за утренние дела.

- Так... - сказала мама.

Мамино «так» тоже не предвещало ничего хорошего. Толик молча шмыгнул мимо нее в ванную. Там он открыл сначала горячую, потом холодную воду, потом сделал среднюю и долго мыл руки. Мама стояла в дверях ванной и молча наблюдала за Толиком. Пришлось мыть и лицо. С мылом. Но мама не уходила. Тогда Толик стал чистить зубы. И тут мама не выдержала.

- Ты где был? - грозно спросила мама.

- У-гр-р-р... бул... кр-р-л... - ответил Толик, не вынимая изо рта зубную щетку.

- Положи щетку.

Толик вынул щетку и набрал в рот воды.

- Ты где был? - снова спросила мама.

- Очень холодная вода, - сказал Толик и пустил погорячее.

- Я спрашиваю: ты где был?

- Я? - сказал Толик.

Мама взяла с вешалки полотенце, вытерла Толику рот и вытолкнула его из ванной. Толик хотел удрать в комнату, но мама взяла его за шиворот, притащила на кухню и усадила на табуретку. Перед Толиком стояла тарелка остывшего супа. Толик схватился за ложку, надеясь оттянуть расплату.

- Не смей есть! - сказала мама.

- А я как раз не хочу есть, - тонким голосом отозвался Толик. - Знаешь, мама, у меня аппетита нет.

- Я тебе покажу «не хочу»! Ешь немедленно!

Толик запустил ложку в суп. Но мама быстро поняла свою оплошность:

- Положи ложку! Отвечай, где был!

- Знаешь, мама, - сказал Толик, - я по улице шел, а там такое большое движение...

– Я опоздала на работу, – сказала мама. – Я все время стояла у окна. Я думала, ты попал под автобус.

– Это не я попал, а Рысаков. Но ты не бойся, его отвезли в больницу.

– Я боюсь, что ты растешь бессовестным негодяем, – сказала мама, и в глазах ее появились слезы.

Теперь Толику на самом деле расхотелось есть. Он очень не любил, если мама плакала. Тогда он просто не знал, что делать. Ему было жалко на нее смотреть. И хотелось убежать из дому, чтобы не видеть, как она плачет. Но сейчас убежать было невозможно.

Толик посопел, повздыхал и принялся утешать маму.

– А знаешь, чего я на улице видел! – сказал он. – Там на улице один дяденька купил сардельки. Толстый такой. А один мальчик украл у него сардельку и побежал. А милиционер за ним погнался. И я тоже погнался. Я его первый догнал. А милиционер сказал мне «спасибо» и записал адрес, чтобы позвонить в школу. Этого милиционера преступники ранили. А я...

Но мама не дала Толику рассказать про преступников. И хотя слезы на ее глазах исчезли, легче от этого не стало.

– Замолчи, вун! – сурово сказала мама. – Почему-то ни с кем другим ничего не случается. Только у тебя все время какие-то преступники. Мне давно надоело твое вранье. Три дня не пойдешь на улицу!

Толик беспокойно завожился на стуле. Конечно, он виноват. Расстроил маму. Но три дня – это уж слишком. На три дня она, пожалуй, не наплакала.

А мама в это время пристально посмотрела на ноги Толика. Толик тоже посмотрел, но ничего особенного не увидел. Впрочем, и мама не увидела – она услышала. Просто удивительно, до чего у всех мам чуткие уши! Кроме того, у них ловкие руки. Как у фокусников.

В одну секунду рука мамы оказалась в кармане брюк Толика и вытащила коробок со спичками.

- Толик, ты куришь! - с ужасом сказала мама.

Толик взглянул на коробок. Он совсем забыл про него, как только мама заплакала. И в ту же секунду Толик понял, что надо делать. Он выхватил коробок из маминых рук, бросился в ванную и сломал спичку.

Когда Толик вернулся в кухню, мама встретила его радостной улыбкой. Она обняла Толика, погладила его по голове и поцеловала в щеку.

- Славный ты у меня мальчик! - сказала она.

- Угу, - ответил Толик.

- Как ты ловко выхватил коробок, - сказала мама. - Я так обрадовалась. Ты просто настоящий спортсмен.

- Мама, ты на работу пойдешь? - спросил Толик.

- Нет, мальчик, сегодня не пойду. Как же я могу пойти на работу, если тебе нужно погреть суп? Ты ведь устал, бедный, на четвертый этаж поднимался с этим батоном. А я, глупая, сама не догадалась сходить. А батон-то тебе дали какой грязный! Я сейчас сбегая за новым.

- Не надо, мама. Я сам его испачкал. Я этим батоном в футбол играл, - сказал Толик, решив до конца выяснить могущество коробка.

- Батоном? В футбол? - спросила мама и засмеялась счастливым смехом. - Смотри, какой молодец! Я догадалась: у тебя не было мяча и ты играл батоном. Я всегда говорила, что ты сообразительный ребенок. Но я куплю тебе мяч. Может быть, тебе иногда захочется поиграть мячом. Только ты не думай, что я тебя заставляю играть мячом. Если хочешь, играй батоном.

- Купи два мяча. И канадскую клюшку. И две шайбы, - сказал Толик.

- Обязательно, - сказала мама.

Между тем ловкие мамины руки делали все что нужно, и вскоре перед Толиком появился подогретый суп, второе и даже банка консервированных ананасов, которые берегли к празднику.

Мама села напротив Толика и с доброй улыбкой наблюдала за тем, как он вылавливает пальцами кружочки ананасов.

- А почему ты не ешь суп и второе? - озабоченно спросила мама.

- Не хочу.

- Правильно, - сказала мама. - Всегда нужно делать только то, что тебе хочется.

Толик доел ананасы и сунул руку в карман - проверить, на месте ли коробок. Мама внимательно за ним следила. Она услышала бряканье спичек и тяжело вздохнула.

- Когда я увидела спички, Толик, - сказала мама, - я очень расстроилась. Я сразу догадалась, что ты начал курить. И я расстроилась потому, что во всех магазинах висят эти глупые объявления: «Детям до шестнадцати лет табачные изделия не отпускаются». А ведь тебе всего одиннадцать. Это просто ужасно, что ты не можешь купить себе папиросы! Я теперь сама буду для тебя покупать.

Толик посмотрел на маму. Может быть, она все-таки шутит? Чего-чего, а уж курить Толика не заставишь. Подумаешь, удовольствие - дышать всяким дурацким дымом!

Но мама, кажется, не шутила. Ее доброе лицо просто светилось от удовольствия, что она видит Толика и разговаривает с ним. Сейчас она была готова выполнить любое желание сына. И Толик подумал, что если он вдруг поцелует маму, то она снова заплачет, но на этот раз уже от радости.

На какое-то мгновение Толику стало неловко, как будто он заставил маму сделать что-то нехорошее, как будто он обманул ее. И мама, словно маленький ребенок, поверила обману и сделалась послушной, ужасно доброй, но перестала

быть прежней мамой.

Однако Толик подумал, что все это не так уж плохо. Ананасы, в конце концов, гораздо приятнее получать, чем подзатыльники. Два мяча и канадская клюшка тоже не помешают. А если искать виноватых, то Толик здесь ни при чем, а виноваты спички и мальчик со странными голубыми глазами.

Все же, чтобы доставить маме приятное, Толик сказал, что он вовсе не курит и курить никогда не будет. И мама обрадовалась так же, как раньше, когда думала, что Толик начал курить.

Затем мама пошла в комнату и сложила в портфель учебники и тетрадки Толика. Она специально проверила по дневнику расписание уроков, чтобы положить все нужное и ничего не забыть.

На прощание она еще раз поцеловала Толика, открыла ему дверь и все время махала рукой, пока он спускался по лестнице.

А Толик, спустившись вниз, остановился. Он засунул руку в карман, нащупал коробок и засмеялся от удовольствия.

Началась новая, совершенно сказочная жизнь.

Когда Толик вошел в класс, все уже сидели на местах. Анна Гавриловна показывала что-то на карте. Она обернулась на скрип двери.

– Добро пожаловать, Рыжков, – сказала Анна Гавриловна. – Ты почему опоздал?

– Я? – спросил Толик.

– Ты, – сказала Анна Гавриловна.

– Я... – произнес Толик и задумался.

Анна Гавриловна улыбнулась.

- Не успел еще придумать?

- Я... нет... - сказал Толик.

- Садись на место, Рыжков. Поговорим после урока.

Анна Гавриловна повернулась к карте и стала объяснять дальше. Толик сел на свое место, рядом с Мишей.

- Отпустили? - спросил Мишка.

- А ты никому не говорил?

- Нет.

- Теперь можешь говорить: мне все равно, - прошептал Толик и похлопал себя по карману.

- Чего там у тебя? - спросил Мишка.

- Ничего. Много будешь знать - скоро состаришься, - ответил Толик.

- Рыжков и Павлов! - сказала Анна Гавриловна не оборачиваясь.

Мишка и Толик притихли и стали слушать. Анна Гавриловна рассказывала о том, как изменится карта нашей страны через десять лет. Она говорила о плотинах, которые построят за это время. Говорила о реках: как они разольются шириной чуть ли не с море.

- Я теперь могу любую реку переплыть, - шепнул Толик.

Мишка посмотрел на него и молча постучал по лбу согнутым пальцем.

Но Толик даже не рассердился. Мишка ведь не знал ничего.

Потом Анна Гавриловна стала рассказывать о том, какие богатства скрываются на дне океанов: всякие водоросли, которые можно есть, нефть и что-то еще такое, чего Толик не расслышал, потому что в этот момент говорил Мишке:

- Я теперь и океан любой могу переплыть.

Мишка снова постучал пальцем по лбу. На этот раз Толик обиделся.

- Сам дурак, - сказал он. - Не знаешь ничего - и молчи.

- Рыжков, - сказала Анна Гавриловна, - повтори, что я говорила.

Толик вскочил с места.

- Вы говорили про плотины и про водоросли.

- Что я говорила про плотины и про водоросли?

- Их можно есть.

- Плотины можно есть? - спросила Анна Гавриловна.

Ребята дружно засмеялись. Мишка тоже засмеялся. Толику стало совсем обидно. Если бы они знали, что у него в кармане, то не смеялись бы, а плакали от зависти.

- Плотины нельзя есть, - буркнул Толик. - Они железные.

- Они бетонные, - сказала Анна Гавриловна. - Ставлю тебе двойку за невнимательность.

Двойку Толику получать не хотелось. Двоек у него в этой четверти не было. Это не очень приятно - в первый раз получать двойку. И Толик сунул руку в карман.

- Ой, Анна Гавриловна, можно выйти на минутку?

– Что случилось?

– Мне... мне плохо...

Анна Гавриловна пожала плечами.

– Иди.

Толик выскочил за дверь. Пока он ходил, Анна Гавриловна открыла журнал и поставила против фамилии «Рыжков» двойку.

Толик вернулся почти сразу. Он скромно сел на место рядом с Мишкой и уставился на Анну Гавриловну. Анна Гавриловна подняла голову.

– Рыжков, – сказала она, – я поставила тебе двойку за невнимательность. А теперь... я... переправляю ее... на... пятерку. Я делаю это потому, что... потому... Я не знаю почему. Так нужно. Ты... очень... хороший... ученик... Рыжков.

Анна Гавриловна подняла руку и устало потерла лоб.

– На сегодня закончим, – сказала Анна Гавриловна и быстро вышла из класса.

Ребята все, как один, посмотрели на Толика. Они ничего не понимали. Они знали Анну Гавриловну с первого класса. У нее никогда не было любимчиков. Двойки она всегда ставила за дело. Пятерки – тоже за дело. Ответил плохо – двойка, хорошо – пятерка. Толик почти всегда отвечал хорошо. Но сегодня он, конечно, заслужил двойку.

Наконец Лена Щеглова не выдержала.

– Эй, Рыжков! – сказала она. – Отличник Рыжков! Расскажи еще про железную плотину.

И сразу ребята повскакали с мест и окружили парту Толика.

– Отличник! – закричали они. – Отличник! Плотину съел.

– Она, может, пошутила, – отбивался Толик. – Может быть, у нее голова болит, вот она и ушла.

– Ни чуточки она не пошутила, – сказала Лена Щеглова. – Она переправила двойку на пятерку. И даже кляксу поставила. Я сама видела. Она из-за тебя ушла.

А Леня Травин – мальчик, который умел играть на скрипке, – сказал:

– Ты должен извиниться перед Анной Гавриловной.

– Чего мне извиняться! – возмутился Толик. – Я сам себе, что ли, поставил? Она сама поставила! Я за нее отвечать не буду.

– Тогда мы сходим и попросим, чтобы она тебе опять на двойку переправила. Потому что это нечестно, – сказал Леня.

– И пожалуйста! – засмеялся Толик. – Все равно она тебя не слушает. Ты лучше на скрипке играй.

– Кто пойдет со мной к Анне Гавриловне? – спросил Леня.

Но идти почему-то никто не захотел. Даже Лена Щеглова, хотя она и считала себя самой справедливой девочкой в классе. Наоборот, ребята один за одним стали отходить от парты Толика и рассаживаться по местам. И Лена отошла. Только напоследок она сказала:

– Трусливо и нечестно.

– После уроков получишь! – ответил Толик.

Возле парты остался один Леня.

– Тогда я один пойду, – сказал он.

Неожиданно с места вскочил Мишка:

- Я тоже пойду.

- Иди, пожалуйста! - возмутился Толик. - Все равно у вас ничего не выйдет. А ты - предатель.

- Ничего я не предатель. Просто мне интересно, - обиделся Мишка. - А если будешь обзывать, я про милицию расскажу.

- Ха-ха-ха! - сказал Толик. - Ни капельки не страшно.

В этот момент открылась дверь, и в класс заглянул директор. Ребята вскочили. Четвертый класс здорово боялся директора. Его и пятые классы боялись. И шестые, седьмые, восьмые - тоже. Потому что он мог исключить кого угодно в два счета.

- Какой у вас урок? - спросил директор.

- Природоведение, - ответила Лена Щеглова.

- А где Анна Гавриловна?

- Она... ушла.

- Куда ушла?

Ребята молчали. Им не хотелось выдавать Анну Гавриловну директору. Может быть, ей попадет за то, что она ушла из-за Толика. А если директор узнает, что она поставила вместо двойки пятерку, то может и ее исключить в два счета.

Наконец Леня, который собирался уходить в музыкальную школу и потому немножко меньше других боялся директора, сказал:

- Очевидно, у нее голова заболела.

- Гм... - сказал директор и вышел.

И сразу все опять набросились на Толика. Ребята кричали, что из-за него теперь попадет Anne Гавриловне. Может быть, ее даже исключат из школы. Тогда Толик пускай лучше в класс не приходит! А Лена Щеглова предложила пойти и все честно рассказать директору и попросить, чтобы он простил Анну Гавриловну. Тогда все набросились на Лену. Потому что если рассказать, то директор наверняка все узнает. А так, может быть, и не узнает. В классе стоял такой шум, что никто не услышал, как вошла Анна Гавриловна.

– Почему вы так шумите? – сказала Анна Гавриловна. – Вас на одну минуту нельзя оставить. Садитесь по местам.

Ребята быстро расселись, поглядывая на Анну Гавриловну. Всем было интересно узнать, что ей сказал директор. А может быть, директор ее и не встретил? Лучше, если бы не встретил. Никто не хотел, чтобы ее исключили из школы. А это вполне могло случиться. Ведь директор главнее любого учителя.

Анна Гавриловна сидела за столом наморщив лоб. Она как будто хотела что-то вспомнить и не могла. И молчала.

Первой не выдержала Лена Щеглова.

– Анна Гавриловна, – сказала она, – а сейчас директор приходил.

– Я знаю, – кивнула Анна Гавриловна.

– А мы сказали, что у вас голова болит...

Анна Гавриловна обвела взглядом класс. Она увидела сияющие лица. Всем было приятно, что они так ловко обманули директора и не выдали Анну Гавриловну. Анна Гавриловна улыбнулась, и сразу исчезли морщины на ее лбу.

– Вот вы какие заговорщики, – сказала она. – А я и не знала...

– Конечно, – ответила Лена. – Вы не бойтесь, Анна Гавриловна, мы никому не скажем.

– Что же вы не скажете?

– Что вы Рыжкову пятерку поставили.

– Ничего не понимаю, – сказала Анна Гавриловна. – Конечно, я поставила ему пятерку. Почему это нужно скрывать? Он очень хорошо отвечал. Я ДОЛЖНА была поставить ему пятерку.

Ребята переглянулись. Они никак не могли понять, что случилось с Анной Гавриловной. На время все даже забыли про Толика. А Толик съежился и даже сполз немного под парту, чтобы стать незаметнее. Уж он-то знал, в чем тут дело.

– Ничего не понимаю, – повторила Анна Гавриловна. – Почему вы на меня так смотрите? Что случилось, Щеглова?

– Я... я не знаю, Анна Гавриловна... – растерянно сказала Лена и села.

Анна Гавриловна в недоумении посмотрела на Толика.

– Рыжков, может быть, ты объяснишь, в чем дело. Почему все так волнуются из-за твоей отметки?

– Я... я не знаю, Анна Гавриловна.

Толик поднялся за партой и склонил голову набок, будто и ему самому все было удивительно. В этот момент комок жеваной промокашки стукнул Толика по уху.

– Громов, выйди из класса! – сказала Анна Гавриловна.

Женя Громов молча направился к двери. Его не в первый раз выставляли из класса.

Но сегодня все понимали, что Громов пострадал ни за что. Все с сочувствием смотрели на Женю и потихоньку показывали кулаки Толику. Даже Леня Травин показал кулак, хотя он никогда не дрался. Леня боялся повредить пальцы – тогда из него не получится великий скрипач.

Дверь за Громовым закрылась.

– Я жду, Рыжков, – сказала Анна Гавриловна.

Толик покраснел и завозил руками. Он очень жалел, что поступил так неосторожно. Он уже понял, что пятерки надо получать совсем по-другому. С завтрашнего дня у него будут одни пятерки. А сейчас... Сейчас надо что-то отвечать Анне Гавриловне.

– Я, Анна Гавриловна... – начал было Толик, но тут же как-то странно дернулся и плюхнулся на скамейку.

Это Саша Арзуханян, дотянувшись ногой под партой, стукнул его под коленку.

– Арзуханян, сядь на переднюю парту, – сказала Анна Гавриловна.

И Саша Арзуханян, который не боялся спорить даже с самой учительницей, на этот раз молча прошел по классу и сел за переднюю парту.

– Сядь, Рыжков, – сказала Анна Гавриловна. Она обвела взглядом класс и добавила: – Я всегда думала, что мы с вами друзья. И у нас был уговор – все честно рассказывать друг другу. Пока я выходила, что-то случилось. Но вы не хотите со мной разговаривать. Я вижу, что вы ко мне стали плохо относиться...

– Нет, Анна Гавриловна! Нет! – закричали ребята.

Но Анна Гавриловна продолжала:

– Подумайте и сами решите, будем мы с вами дальше дружить или нет. А наказывать я никого не буду. Ни Громова, ни Арзуханяна. Можете вести себя как хотите.

Раздался звонок. Анна Гавриловна взяла журнал, указку и вышла из класса. Ребята молчали. Потом Саша Арзуханян сказал:

– Ну ладно, Рыжков, пусть только уроки кончатся!..

После уроков Толик вышел из класса последним. Он не пошел сразу на улицу. Он походил по пустым коридорам, заглянул в спортзал. Там старшеклассники играли в баскетбол. Толик прокрался в зал и сел в уголке на скамейку. Несколько минут его не замечали, но потом мяч откатился к самым его ногам. Потный и свирепый десятиклассник подобрал мяч и закричал на Толика:

- Ты чего под ногами путаешься!

- Я не путаюсь, - сказал Толик.

- Ты еще у меня поговори! - зарычал десятиклассник.

Толик встал со скамейки и тихонько пошел к дверям. Бесполезно спорить с десятиклассником. Особенно если он проигрывает. Когда проигрывают, всегда злятся не на того, на кого нужно.

Толик поднялся на второй этаж, заглянул в пионерскую комнату. Там уже никого не было. На третьем этаже тоже никого не было. Лишь в дальнем конце коридора слышалось какое-то поскребывание.

Толик побрел туда. Там была нянечка. Она вытирала пол сырой тряпкой. Она покосилась на Толика, но ничего не сказала. Толик стал смотреть, как она вытирает пол. Наконец нянечка не выдержала.

- Ты чего домой не идешь? - сказала она. - Сегодня телевизор детский.

- Детский уже кончился, - ответил Толик. - Его в пять показывают.

- Ну все равно - иди. Не мешайся, - сказала нянечка.

- А хотите, я вам помогу? - предложил Толик.

- Чего это с тобой сегодня случилось? - удивилась нянечка.

- А я вообще люблю помогать, - сказал Толик.

– Сказано тебе – иди! – рассердилась нянечка. – Еще наработаешься.

Делать нечего. Толик медленно спустился по лестнице, осторожно приоткрыл дверь и выглянул на улицу. За оградой школы, на тротуаре, стояли ребята. У Толика похолодело в животе. Он надеялся, что они уже ушли. Но они не ушли. Они ждали Толика. И вовсе не затем, чтобы пригласить его поиграть в футбол или шайбу. Просто его хотели поколотить.

Там были Женя Громов, Саша Арзуханян, Леня Травин. Немного в стороне от них стоял Мишка Павлов. Мишка драться не будет, скорее всего, он заступится, потому что Мишка все-таки друг. Травин тоже не в счет. Если он придет домой с поцарапанными пальцами, его за это не похвалят. Зато уж Громов и Арзуханян время терять не будут. Они всегда ходят вместе, заступаются друг за друга. Их побаиваются даже пятиклассники.

Толик вздохнул и сунул руку в карман. Очень уж ему не хотелось тратить спичку на такие пустяки. Но ничего не поделаешь. Шишки получать ему не хотелось еще больше.

Толик достал коробок. Прежде чем сломать спичку, он еще раз выглянул за дверь. Может, ушли? Ну ладно, пускай стоят. Им же хуже. Теперь Толик знал, что загадать. Он сейчас такое загадает, что они не обрадуются.

Толик переломил спичку. Второпях он забыл про Мишку. Конечно, про него не надо было загадывать. Мишка, наверное, остался, чтобы помочь Толику. Но Толик об этом просто не подумал. Он загадал про всех сразу и вышел на улицу.

Ребята увидели его.

– Иди, иди, – сказал Арзуханян. – Иди, не бойся. Из-за тебя Анна Гавриловна с нами поссорилась. Сейчас ты получишь.

– Толик, не бойся! – крикнул Мишка.

– А ты, Павлов, лучше отойди, – сказал Громов. – А то и тебе попадет.

- Не вмешивайся, Павлов. Я тоже не вмешиваюсь, - сказал Леня Травин и засунул поглубже в карман свои драгоценные руки.

- А я и не боюсь! - крикнул Толик. И, чтобы ребята еще больше разозлились, добавил: - Чихать я на вас хотел! Понятно?

Толик подошел и встал напротив Арзуханяна. Тогда Мишка тоже подошел и встал сзади Толика. А Женя Громов встал сзади Мишки.

- Да ты не бойся, - сказал Арзуханян и сплюнул на ботинок Толика, но не попал.

- Да я не боюсь, - ответил Толик и сплюнул на ботинок Арзуханяна и попал.

- Ах так?... - сказал Арзуханян.

- Да, так... - ответил Толик.

- Ну, тронь... - сказал Арзуханян.

- А ты тронь... - ответил Толик.

- Я-то трону...

- Попробуй...

- Я-то попробую...

- Чего же ты не трогаешь?

- Я-то трону... - сказал Арзуханян, размахнулся и стукнул Громова.

- Ты чего дерешься?! - закричал Громов и стукнул Мишку.

- Ты чего пристаешь?! - закричал Мишка и стукнул Леню Травина.

Леня Травин очень удивился. Он подумал немного, вынул из кармана свои драгоценные руки и стукнул Арзуханяна. Началась свалка. Громов, Арзуханян, Травин и Мишка колотили друг друга, а Толик стоял рядом, но они как будто не замечали его и кричали:

– Вот тебе за Анну Гавриловну!

– Вот тебе за пятерку!

В общем, они кричали всё про Толика, но молотили друг друга. Они подняли такой шум, что ворона, примостившаяся на ночь под крышей школы, проснулась, посмотрела вниз, каркнула и полетела досыпать на другую улицу.

Интереснее всего было то, что Арзуханян все время пытался стукнуть Громова, хотя они и дружили с первого класса. А Травину, который вообще уж ни в чем не был виноват, больше всего доставалось от Мишки. А сам Травин не обращал на Мишку внимания. Он вцепился в Арзуханяна и выкручивал ему ухо своими музыкальными пальцами.

Все это продолжалось до тех пор, пока к ним не подошел какой-то гражданин с веником под мышкой. Наверное, он шел из бани, потому что лицо у него было красное, распаренное. Недолго думая, он хлестнул Травина по спине веником, затем оттащил Арзуханяна от Громова и сказал басом:

– А ну, кто хочет в милицию?

Больше он ничего не успел сказать. Через секунду на месте драки никого не осталось. Травин, Арзуханян и Громов удирали через проходной двор. Они бежали очень быстро, хотя за ними никто не гнался. А Мишка и Толик улепетывали на другую сторону улицы. Они пробежали квартала два и пошли шагом.

- Ничего себе дела... - сказал Мишка, когда немного отдышался. - Я даже не понимаю, чего я с ними драться стал. Я думал за тебя заступиться. А они тебя даже не тронули. Я драться не хотел. Только, знаешь чего... - Мишка оглянулся и прошептал: - У меня руки будто сами размахивались. Честное слово! Я хочу в сторону отойти, а меня будто кто-то не пускает. И руки сами размахиваются... И я - бац! бац! А сам даже не хочу вовсе.

- У тебя, Мишка, руки правда сами размахивались, - подтвердил Толик. - Ты не виноват. Это я виноват. Я про всех загадал, а про тебя забыл загадать, чтобы тебе не драться.

- При чем тут «загадал»? - удивился Мишка.

- При том. Знаешь, у меня чего есть?

- Чего?

- А ты никому не скажешь?

- А я про милицию сказал? - обиделся Мишка.

- Тогда слушай, - сказал Толик. - Сначала ты не поверишь. Но я тебе докажу. У меня есть...

Но тут Толик замолчал. Он вдруг подумал, что Мишке не надо рассказывать про коробок. Конечно, Мишка - друг. Он никому не проболтался про милицию. Но одно дело милиция, а другое - коробок. За этот день Толик так привык к чудесам, что ему казалось, будто он всю жизнь живет с этим коробком. А Мишка может кому-нибудь проговориться. Тогда у Толика коробок отнимут. Или стащат. Можно сказать, один раз в жизни повезло Толику. Зачем же болтать об этом первому встречному? Конечно, Мишка не первый встречный. И Толик обязательно с ним поделится. Он даст Мишке пять спичек. Или даже десять. А может быть, половину. Но не сейчас. Потом. Завтра. Или послезавтра.

- Так чего у тебя есть? - нетерпеливо спросил Мишка.

- Да ничего у меня нет, - сказал Толик. - Просто я пошутил.

- А ты не врешь? - подозрительно спросил Мишка.

- Нет. Когда я тебе врал? - спокойно ответил Толик.

- А за что тебя в милицию забрали?

- Дорогу перешел неправильно.

- Я хотел с тобой вместе в милицию пойти, а потом испугался, - признался Мишка.

- Все равно ты бы ничего не сделал, - сказал Толик. - Они же сильнее.

- Сильнее, - согласился Мишка.

Некоторое время приятели шагали молча. Они уже подошли к переулку, где жил Толик. И тут Мишка спросил:

- Толик, а почему тебе Анна Гавриловна пятерку поставила? Ты же плохо отвечал. Я ведь сам слышал.

- Я неправильно загадал... - начал было Толик и спохватился.

Конечно, загадал он неправильно. Нужно было загадать, чтобы хорошо ответить. А он сломал спичку и сказал: «Пускай мне поставят пятерку». Анна Гавриловна ничего не могла поделать. Ей пришлось поставить пятерку за плохой ответ. А ребята всё заметили. Про них Толик ведь не загадывал. Больше он такой глупости не сделает. Но Мишке пока знать об этом совсем не обязательно.

- Чего ты неправильно загадал? - спросил Мишка. - Ты уже второй раз говоришь про «загадал».

- Я же не виноват, - сказал Толик. - Она сама поставила. Ты же сам видел.

- Я видел, - согласился Мишка. - Только я ничего не понимаю.

- До свидания, Мишка, - сказал Толик. - Меня папа ждет.

- Завтра придешь? Будем самолет доделывать.

- А хочешь, я тебе настоящий самолет подарю? - засмеялся Толик.

Но Мишка, конечно, не догадался, что Толик говорит всерьез. Он уже привык, что Толик любит сочинять небылицы. И как всегда в таких случаях, Мишка постучал по лбу согнутым пальцем. И на этот раз Толик не обиделся. Ведь он говорил правду.

... Через две ступеньки Толик взлетел на четвертый этаж.

- Здорово, приятель! - сказал папа, открывая дверь.

- Телевизор кончился? - спросил Толик.

- Для вас кончился, для нас начался, - ответил папа. - Двоек много нахватал?

Толик швырнул портфель на стул.

- Одну пятерочку нахватал, - сказал он небрежно. - Мама дома?

- Мама на работе. Есть будешь?

- Открой баночку ананасов! - попросил Толик.

- Я тебе дам ананасов! - пригрозил папа. - Я уж тут видел одну пустую банку. Твоя работа?

- Мама сама дала.

- Напрасно дала, - сказал папа. - Договорились же - к празднику. Я вообще не понимаю, что с ней сегодня случилось. Она звонила мне на работу и просила купить тебе два мяча, канадскую клюшку и две шайбы. Зачем тебе два мяча и две шайбы?

– Просто так, – сказал Толик. – Я пошутил. Можно один мяч и одну шайбу. Купишь?

– Посмотрим на ваше поведение, – сказал папа. – Ты, старик, на кухне сам справишься? А то у меня хоккей начинается.

– Ты смотри, – согласился Толик. – Я сам погрею.

– Молодец, старик, ты у меня уже совсем взрослый! – сказал папа и убежал к телевизору.

У папы сегодня было хорошее настроение. Наверное, его команда выигрывала. Он всегда называл Толика «старик», если ему было весело. А маму тогда называл «старуха». Маме это не нравилось. А Толику было все равно – старик так старик.

На кухне Толик допил остатки ананасового сока из банки. Затем он поставил на плиту кастрюлю с супом, достал из кармана спички и... сразу забыл про суп. Зато вспомнил, как глупо он израсходовал сегодня столько спичек. Эх, если бы начать день сначала! Ведь если говорить всерьез, то почти все спички были истрачены зря.

Первую спичку капитан сломал и выбросил в пепельницу, но ничего не сказал, и она пропала, как самая обыкновенная спичка.

Второй спичкой капитан превратил Зайцева в голубя. Зайцев не понравился Толику. Но от того, что на свете стало одним Зайцевым меньше, а одним голубем больше, Толику не было никакой пользы.

Третья спичка отправила толстяка в милицию. Это еще ничего. В другой раз не будет смеяться. Пусть поплачет вместе со своими толстыми детьми.

Четвертая – маме. Хорошо это или нет, еще неизвестно. Если купят мяч, клюшку и шайбу, тогда еще ничего.

Пятая – совсем глупая. Ведь из-за нее пришлось потратить и шестую. А главное, ребята все равно не забудут про пятерку. Про нее ведь Толик не загадывал. Еще

из этого дела придется выкручиваться. Вот явится завтра Толик в школу, а его снова начнут спрашивать про пятерку...

Толик вздохнул. Ничего не поделаешь: надо потратить еще одну.

Толик переломил спичку и сказал:

– Пускай ребята забудут про пятерку.

Толик с сожалением разглядывал обломки спички. Это были мячи, клюшки, отличные отметки, банки ананасов и сотни порций мороженого. Все это пропадало вместе со спичкой.

«А может быть, я могу загадать еще какое-нибудь желание?» – подумал Толик и крикнул первое, что пришло в голову:

– Хочу сто сливочных тянучек!

Толик посмотрел на потолок, откуда, как он думал, свалятся тянучки. Но на потолке тянучек не было. Там сидела первая весенняя муха и потирала лапки.

Одна спичка могла выполнить за раз только одно желание.

Толик выложил на стол все спички и принялся их пересчитывать.

В этот момент в комнате, где сидел папа, раздался оглушительный рев телевизора. Затем выбежал папа и крикнул:

– Старик, наши ведут два-ноль! Будет тебе клюшка!

Толик быстро прикрыл спички руками, но папа не обратил на них никакого внимания и скрылся в комнате.

А Толик моментально собрал спички и отправился спать.

Он очень устал сегодня и заснул сразу. Ему снилась прекрасная жизнь, в которой исполняются все желания. Ему снилось всё сразу: горы клюшек, тысячи мячей и еще как они с Мишкой летят на космическом корабле «Восток-1», а внизу стоит папа, грозит им пальцем и кричит, чтобы они скорее спускались.

Утром Толик проснулся рано. Он долго лежал с открытыми глазами и все старался понять, отчего ему сейчас так хорошо и приятно. Он чувствовал себя так, будто сегодня был первый день каникул, а впереди – длинное лето, когда можно каждый день купаться и не ходить в школу. В общем, что-то радостное было впереди, но никак не вспоминалось, что именно.

В коридоре слышались осторожные шаги. Поскрипывал паркет. Это мама тихонько пробиралась на кухню. Тихонько, чтобы не разбудить Толика. На кухню – чтобы приготовить ему завтрак.

Толик слышал, как зашумел газ и звякнуло что-то железное. Потом все стихло. Наверное, мама прикрыла дверь.

Толик закрыл глаза и стал вспоминать все в обратном порядке. Вот он летит на спутнике, а внизу – папа. Мишка – рядом. Он в космическом костюме. А Толик – в школьной форме. И как будто он не внутри кабины, а снаружи. Но дышится ему легко, и он видит папу, который приказывает им спускаться. А Толик кричит: «Все в порядке. Самочувствие отличное!» – и увеличивает скорость. Это, конечно, сон.

А вот – канадские клюшки, сложенные кучами, как дрова. И это сон.

Папа вбегает на кухню и кричит, что наши ведут два-ноль. Это уже не сон, потому что перед этим было... И тут Толик вспомнил, что было перед этим, и похолодел. Он быстро сунул руку под подушку. Коробок был там. «Ура!» – крикнул Толик. Конечно, крикнул он мысленно, про себя. Кричать вслух не стоило: мама могла услышать и поинтересоваться, почему он кричит «ура», вместо того чтобы чистить зубы.

Коробок лежал под подушкой. И теперь было понятно, отчего Толику так легко и совсем не хочется спать. Все это было оттого, что коробок не приснился. Он был настоящим. Он был волшебный. А Толик был теперь самый счастливый человек

на свете.

Дверь приоткрылась. В щелке показался настороженный мамин глаз.

- Ты не спишь? - слышался шепот.

- Я давно проснулся, - ответил Толик, засовывая спички поглубже под подушку.

- С добрым утром! - сказала мама, входя в комнату. - А я уже приготовила тебе завтрак - твои любимые оладьи с вареньем. Иди скорее умывайся.

- Можно, я не буду умываться? - спросил Толик.

- Конечно, - охотно согласилась мама. - Ходи грязный, если тебе хочется.

Толик подозрительно взглянул на маму. А мама ласково смотрела на Толика. И лицо ее сияло таким доброжелательством, что сомнений не оставалось: коробок продолжал действовать.

- И зубы чистить не буду, - сообщил Толик.

- Ну разумеется, - сказала мама и нахмурилась. - Я всегда возмущалась матерями, которые принуждают своих детей чистить зубы. Но я не из таких. Дети должны делать, что им хочется. А матери должны выполнять все их желания. Иначе - для чего бы мне жить на свете? Конечно, только для тебя - самого дорогого и любимого моего мальчика.

Пока неутомимый Толик уплетал оладьи с вареньем, мама не сводила с него глаз. Она следила за каждым его движением, подкладывала на тарелку варенье, подвигала поближе стакан с кофе и, казалось, была вне себя от счастья, наблюдая, как Толик пережевывает оладьи нечищеными зубами.

- Спасибо, - сказал Толик, прожевав девятую оладью.

Мама смутилась:

- Ну что ты, Толик... Это я должна сказать тебе спасибо.

- За что?

- За то, что ты так хорошо покушал.

- Не стоит, - сказал Толик. - Мам, я пойду уроки учить.

- Ты у меня умница! - сказала мама. - Учи хорошенько. Будешь ученым.

- Или пойду лучше погуляю? - спросил Толик.

- Конечно, лучше погуляй, - обрадовалась мама. - Зачем тебе уроки учить! Не всем же быть учеными. Расти лучше неучем.

Засунув коробок поглубже в карман, Толик вышел во двор.

Утро было солнечное, но во двор солнце еще не пришло. Оно гуляло где-то над крышами, с которых свесились уже маленькие, истекающие последними слезами сосульки. В этот двор солнце приходило лишь к концу дня. И это было очень хорошо. Только поэтому сохранилась еще в дальнем конце двора площадка с утоптанном снегом, на которой ребята гоняли шайбу.

Они были там и сейчас: ровесники Толика, и ребята поменьше, и даже совсем малыши. Первыми выходили гулять малыши: им не нужно было учить уроков. Они приносили палки, обломки дедовых тросточек, доски от ящиков и прочее деревянное барахло. У них не было ни одной настоящей клюшки, а шайбу заменял резиновый мячик. Малыши кучей носились по площадке, орали, били друг друга по ногам своими палками и воображали, что играют в хоккей.

Попозже, выучив уроки, выходили ребята из третьих, четвертых и пятых классов. Малышей прогоняли с площадки, и начиналась игра уже посерьезнее. Настоящих клюшек и у них было немного, но у них была шайба, а самодельные клюшки все-таки походили на взаправдашние, потому что состояли из двух палок, прибитых друг к другу под углом.

Когда Толик вышел из дому, час малышей уже кончился. Некоторые, правда, пытались робко дотронуться своими палками до настоящей шайбы, прыгающей по площадке, но их «слегка» подталкивали, и они вылетали с площадки быстрее шайбы.

Играли без коньков. Воротами служили два ящика, поставленные набок.

– Иди сюда, Толик! – позвали ребята.

Толик нехотя подошел. Играть ему хотелось. Но он знал, что никто не отдаст ему клюшку, а свою Толик сломал два дня назад.

– У меня клюшки нет, – сказал Толик.

– Становись на ворота.

– На воротах тоже клюшка нужна.

– А ты вон у него возьми.

Толик хмуро взглянул на последнего малыша, чудом уцелевшего на площадке. В руках у него было что-то вроде обломка костыля. Не очень-то большое удовольствие играть такой закорючкой! Но все же это лучше, чем стоять в стороне.

– А ну дай сюда! – приказал Толик.

Малыш жалобно взглянул на Толика своими ясными глазами и протянул ему закорючку.

– А ну беги отсюда! – грозно сказал Толик.

Малыш понял, что до конца игры клюшку ему не видать как своих ушей. А если ее сломают, то и вообще не видать. Но ничего не поделаешь. Малыш вздохнул и отошел в сторону, мечтая о том времени, когда он вырастет, и ему купят настоящую клюшку, и он этой клюшкой огреет Толика по затылку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Теперь Санкт-Петербург.

----

Купить: [https://tn.knigapoisk.com/tomin\\_yuriy/shel-po-gorodu-volshebnyk](https://tn.knigapoisk.com/tomin_yuriy/shel-po-gorodu-volshebnyk)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)